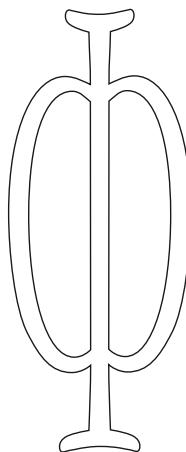

М. А. ХАТЯМОВА

ОРМЫ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
САМОРЕФЛЕКСИИ
В РУССКОЙ ПРОЗЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XX века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Х 25

Редакционный совет серии:

М. М. Гиршман (Донецкий ун-т, Украина), *М. Н. Дарвин* (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), *В. И. Тюна* (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), *В. Шмид* (Гамбургский ун-т)

Хатякова М. А.

Х 25 Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / Науч. ред. В. А. Суханов. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 328 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0248-1

В монографии исследуется феномен «избыточной» литературности как один из основных способов сохранения самоидентичности литературы. Изучение литературоцентричной поэтики прозы русских писателей первой трети XX века Е. Замятиня, Б. Зайцева, М. Осоргина, Н. Берберовой открывает семиотический механизм сохранения культуры и конкретизирует понимание исторически изменчивых вариантов саморефлексии русской прозы. Формы литературной саморефлексии, обнаруженные в литературоцентричной поэтике повествования и сюжета в творчестве эстетически разных писателей (метапроза Е. Замятиня, М. Осоргина и Н. Берберовой, мифологический сюжет Б. Зайцева, М. Осоргина и Е. Замятиня, культуро- и литературоцентричный сюжет в творчестве всех названных авторов), порождают сходство индивидуальных поэтов и позволяют рассматривать литературность как еще один (помимо традиционных — метода, стиля, жанра) закон искусства, основанный на антиэнтропийных принципах организации художественного мира и сохраняющий в литературоцентричных формах самоценность эстетической реальности от деструктивного воздействия социального хаоса.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована
картина В. Серова «Портрет А. Я. Симонович», 1889*

ISBN 978-5-9551-0248-1

© Хатякова М. А., 2008
© Языки славянской культуры, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Несобственно-художественные формы	
саморефлексии автора (Е. И. Замятин)	23
1.1. Проблема соотношения этического и эстетического в ранней публицистике Е. И. Замятин	26
1.2. «Техника художественной прозы»: концепция диалогического языка. Проблемы повествования	33
1.3. Теория неореализма Е. И. Замятин	51
1.4. Экзистенциальные и психоаналитические мотивы в публицистике Е. И. Замятин второй половины 1920—1930-х годов	59
Глава 2. Литературоцентрическое повествование как способ	
мифологизации прозы: орнаментальный сказ,	
стилизация, персональное повествование	
(Е. И. Замятин)	71
2.1. Поэтика орнаментального сказа в ранней прозе Е. И. Замятин	77
2.2. Стилизация в прозе Е. И. Замятин 1910—20-х годов	115
2.3. Семантика персонального повествования в поздних новеллах Е. И. Замятин («Ела», 1928; «Наводнение», 1929)	142
Глава 3. Структура «текст о тексте» как вид	
литературной саморефлексии	
(Е. Замятин, М. Осоргин, Н. Берберова)	159
3.1. Метатекстовая структура романа Е. И. Замятин «Мы» (1920)	161
3.2. «Бич Божий»: логика повествования и концепция истории Е. И. Замятин	182

3.3 Метароман М. А. Осоргина «Вольный каменщик» (1935): «сюжет героя» и «сюжет автора»	204
3.4 Структура «текст в тексте» как способ сохранения культуры в повести Н. Н. Берберовой «Аккомпаниаторша» (1934)	232
Глава 4. Аллюзивность как способ трансформации семантики канонического сюжета (Б. Зайцев)	
4.1 Мифологический языческий код как принцип организации повествования и сюжета в ранних рассказах Б. К. Зайцева	257
4.2 Культуроцентризм «христианского» сюжета в зрелой прозе Б. К. Зайцева («Спокойствие», 1909; «Дальний край», 1912; «Золотой узор», 1925)	270
Заключение	305
Литература	309

Введение

Осознание современным литературоведением недостаточности традиционных подходов к осмыслинию литературы (метод, жанр, стиль) побуждает искать новые пути, адекватные универсализму современного научного знания и позволяющие воссоздать в целостном виде принципы функционирования литературы в различные исторические эпохи. В последние десятилетия внимание исследователей все более привлекают «надсистемные» и «надструктурные» категории «художественного сознания» (В. В. Заманская, М. Л. Гаспаров, В. И. Тюпа), «художественного мышления» (В. И. Хрулев, З. Я. Холодова), «метасюжета» как «идеи времени» (Н. В. Барковская), метатекста. Одной из таких интегрирующих категорий, реализующихся в поэтике произведения, является *литературная саморефлексия*.

В отечественном литературоведении неоднократно отмечалось, что становление собственно художественной прозы (отделение ее от эпистолярной, критической, деловой и проч.), обретение ею собственного языка неразрывно связано с потребностью осознания себя, своей природы. По мнению исследователя литературы первой трети XIX века, русская проза этого периода одновременно желала быть и теорией прозы, в которой повествование представляет собой «сплав художественного изображения с демонстрацией творческих принципов», помещенных в саму ткань рассказов о тех или иных событиях и людях¹. Переходная эпоха XX века актуализировала литературную саморефлексию как один из основных способов сохранения ее идентичности, что определяет необхо-

¹ Кривонос В. Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. С. 3—4.

димость ее научного описания и исследования. Язык прозы — это, в первую очередь, повествование и сюжет, поэтому формы самосознания прозы прежде всего обнаруживаются в особой «литературоцентричности» сюжета и повествования, характерной именно для русской литературы, берущей на себя в новое время функции других форм общественного сознания, в том числе религии и философии.

Проблема литературной рефлексии разрабатывалась в исследованиях Д. М. Сегала, В. М. Петрова, В. И. Тюпы, Д. П. Бака, М. Н. Липовецкого, Н. С. Бройтмана, М. П. Абашевой, в коллективной монографии «Формы саморефлексии литературы XX века: метатекст и метатекстовые структуры»².

Д. М. Сегал, работам которого принадлежит приоритет в разработке рассматриваемой проблемы в прозе, писал в 1979 году: «В наших текстах самосознание литературы — это процесс не «внутрилитературный», а «внутритекстовой», он относится не к литературному процессу (быту, факту), а к миру, литературно творимому, становясь, таким образом, парадигмой *миротворчества* (курсив автора. — М. Х.) в рамках текста»³. В другой работе 1981 года исследователь утверждает, что

² Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система. Литература как охранная грамота // Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006; Петров В. М. Рефлексия в истории художественной культуры. Ее роль и перспективы развития // Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983. С. 323; Тюпа В. И., Бак Д. П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики. Кемерово: КемГУ, 1988. С. 4—15; Бак Д. П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово: КемГУ, 1992; Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997; Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Учебн. пос. М.: РГГУ, 2001; Абашеева М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001; Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6: Формы саморефлексии литературы XX века: метатекст и метатекстовые структуры / Ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

³ Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система. С. 13.

«литература представляет (...) своего рода симулирующее устройство — моделирование моделирования. Она «работает» двояким образом: во-первых, литература может выполнять функции моделирования первого порядка, создавая модель внеtekстового мира и задавая программу поведения; во-вторых, литература рассматривает, описывает, оценивает самые различные варианты — действительные, потенциальные, мнимые, реальные и ирреальные — самого этого моделирования первого порядка»⁴.

Художественная саморефлексия обостряется в переходные моменты истории искусства, когда происходит массовая смена одних типов художественных структур другими. В. М. Петров отмечает, что «эти процессы в первую очередь имеют место в творчестве больших художников — новаторов, «первопроходцев», открывающих новый этап в развитии искусства»⁵. В качестве репрезентативных фигур приводятся Иеронимус Босх, Серрантеса, Стерна, Пушкина, уделявших значительное внимание рефлексии — отражению литературной ситуации и изображению непосредственного процесса написания произведения в самом же произведении⁶.

Проблема литературной рефлексии в теоретическом и историческом аспектах была поставлена в работах В. И. Тюпы и Д. П. Бака «Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики» и Д. П. Бака «История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении»⁷. В первом исследовании выделены исторические формы литературной рефлексии: традициональная («риторическая рефлексия» в литературе до XIX века) и антитрадициональная («творческая рефлексия» в литературе XIX—XX веков, соответственно классическая и неклассическая)⁸. Д. П. Бак отметил, что «идея самосознания

⁴ Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. С. 4.

⁵ Петров В. М. Рефлексия в истории художественной культуры. Ее роль и перспективы развития. С. 323.

⁶ Там же.

⁷ Тюпа В. И., Бак Д. П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики. С. 4—15; Бак Д. П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово: КемГУ, 1992.

⁸ Тюпа В. И., Бак Д. П. Указ. соч. С. 6—8.

литературного творчества — ключевая для формирования исторической поэтики»; «усиление рефлексивности литературного развития происходит на фоне «угасания традиционности»⁹. Если в начальный период своего функционирования творческая рефлексия была направлена «на смену риторических канонов, — знаменовала поворот произведения искусства к построению саморазвивающейся реальности», то позднее она стала означать «свободу складывания антитрадиционального произведения», «которая оказалась замкнутой на самой себе»: в терминах М. М. Бахтина можно было бы сказать, что непомерно разросшееся «событие рассказывания» перечеркнуло, поглотило «рассказываемое событие»¹⁰. Д. П. Бак выделил две типологические формы бытования литературной рефлексии. Первая идет от повествователя, «сверху»; вторая — от персонажа, «снизу» (вставной текст): «Авторскую «рефлексию сверху» можно было бы определить как рефлексию текста; «рефлексию снизу» — как самосознание действительности»¹¹.

Теоретическую ценность представляет выработанное Д. П. Баком понятие «рефлексивного произведения». Исследователь подчеркивает, что оно не сводится к формально-риторической модели «романа в романе», «текста в тексте». Рефлексивное произведение — это «особый тип авторства, возникающий в случае непосредственного вхождения литературных задач в жизненную проблемность»; оно не может быть «готовым», известным заранее либо созданным «в стороне» от непосредственной проблематики произведения «объемлющего», а «должно складываться на наших глазах, так или иначе исследовать само себя и тем самым прямо влиять на постепенное формирование произведения внешнего»¹². Вслед за Бахтиным такой тип «кризиса авторства», связанный с персонажем-писателем, создающим нечто альтернативное данному произведению, Бак считает «продолжением романтического варианта кризиса». Другим, развивающим «реалистический» тип «кризиса авторства», является случай, когда «рефлексия

⁹ Бак Д. П. Указ. соч. С. 4, 10.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 23.